

Наталья ПЕРЦОВА

Словотворчество Велимира Хлебникова

<Фрагмент>

В русской литературе нет писателя, который бы так широко и разнообразно использовал в своем творчестве возможности русского словообразования, как поэт Велимир Хлебников. Словотворчество Хлебникова уже в течение многих десятилетий является материалом литературоведческих и лингвистических исследований, среди которых в первую очередь надо назвать монографии В. П. Григорьева и Р. Вроона¹. Однако до сих пор неологизмы Хлебникова нельзя считать ни полностью собранными, ни полностью систематизированными. В составленном автором настоящей книги «Словаре неологизмов Велимира Хлебникова»² приведено более пяти тысяч неологизмов из опубликованных произведений поэта; сейчас, после просмотра практически всех доступных рукописей, этот список увеличился примерно вдвое. Рассмотрению словотворчества поэта и посвящена настоящая книга.

Неологизмом — в самом общем виде — считается слово, отсутствующее в словарях и воспринимаемое как новое носителями языка. Хлебниковские неологизмы подразделяются на три следующих класса:

(I) морфологически интерпретируемые слова, т. е. слова, которые можно истолковать в соответствии с законами русского словообразования;

(II) единицы (буквы и слоги) созданного Хлебниковым «звездного языка», в котором звуки — прежде всего, согласные — наделены определенными обобщенными смыслами;

(III) звукоподражания, звукопись, заумь и т. п., т. е. слова, рассчитанные скорее на прямое эмоциональное восприятие, нежели на сознательное осмысление.

При сугубо формальном подходе к неологизмам к ним следует относить те и только те слова, которые отсутствуют в словарях данного языка. Естественно, при составлении словника хлебниковских не-

ологизмов были использованы все доступные нам словари русского языка — и прежде всего, словарь В. И. Даля: как известно, Хлебников внимательно изучал этот словарь и брал из него многие редкие слова (*быльняк, дахарь, другиня, навь, ржаница, волить, лукать, мирковать, разникнуть*); некоторые используемые Хлебниковым слова из этого словаря органично вписываются в гнезда однокоренных хлебниковских неологизмов, ср. такие имеющиеся у Даля слова, как *людин, людина, людовитый*. Однако мы отказались от чисто формального подхода к выделению неологизмов и пользовались неким дополнительным, интуитивным критерием: для того чтобы слово было отнесено к неологизмам, оно не только должно отсутствовать в словарях, но и восприниматься носителем языка как незнакомое. Как выразился однажды В. Шершеневич, неологизмы — это слова, за которые «задевает рубанок мысли».

Не считаются неологизмами следующие группы нестандартных слов, отсутствующих в просмотренных нами словарях русского языка.

а) Слова, объясняемые самим Хлебниковым или его комментаторами, например *маунь* «валериана» (Тв. 667) — при том, что в словарях дается *маун* — за исключением тех случаев, когда некоторые факты свидетельствуют против толкований комментариев. Так, в (Тв. 701) говорится, что Числобог — персонаж, придуманный Хлебниковым; однако, согласно Н. М. Карамзину³, Числобог относится к славянским божествам.

б) Архаизмы, в том числе слова с полногласием (*волога* (СП 1, 208)) / неполногласием (*вран* (СП 2, 19)), славянизмы (*плясавица* (СП 2, 83)).

в) Слова, встретившиеся нам в книгах по истории и фольклору или в исторических грамматиках, прежде всего, в трудах А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, Н. М. Карамзина, С. В. Максимова, П. А. Ровинского и И. П. Сахарова. Например, слова *купальский* (Тв. 213), *русалие* (СП 2, 270) встречаются в целом ряде книг, слово *лешачонок* (СП 4, 159; НП 71; 73) в книге Максимова⁴ и т. д.

г) Просторечные и диалектные слова и формы: *мотри* вместо *смотри* (СП 2, 100), *жана* вместо *жена* (Ст: 17).

д) Слова, имитирующие разговорную или неправильную речь, ср.: *бал-дарю* «благодарю» (СП 4, 221), *ходы* «ходи» (СП 3, 355), *седни* «сегодня» (СП 3, 164; СП 5, 94), *скусный-прескусный* «вкусный-превкусный» (СП 5, 76), *сомашечий* «сумасшедший» (СП 3, 115), *осударев* «государев» (СП 4, 173).

е) Окказиональные словоизменительные формы слов и существительные с измененным грамматическим родом без изменения смысла: *седые господины* (СП 2, 121), *милостынь* (СП 3, 224), *показа* (СП 4, 308) (исключение сделано лишь для тех слов, которые оказались наиболее необычными; ср. *неть* — ед. от *нети*).

ж) Слова, хотя и отсутствующие в словарях, но воспринимаемые как знакомые, например *двадцати-трехлетье* (СП 5, 49), *17-летний* (СП 5, 98), *мамынька* (СП 5, 13; НП 56) (слово встречается у Д. Мамина-Сибиряка), *пушкинианский* (СП 3, 8) (слово встречается у А. Блока), *нелгущий* (СП 3, 105), *непочтенный* (СП 2, 83), *махаметанин* (НП 357), *синегато-зеленый* (НП 312), *синебурый* (СП 3, 358), *нарукавнички* (СП 3, 176; 232).

з) Достаточно очевидные опечатки, например *разверзетый* вместо *разверстый* (в старой орфографии *разверзстый* (СП 4, 17)), *борожба* вместо *ворожба* в перевертне *Мана темь сметанам / Ворожба обжоров* (СП 1, 211).

и) Приложения типа *дом-книга*.

к) Разложение слов в духе шарад или обрывки слов (ср. *В Сиби, / В Сибирских су / Сугро / Сугробах белых* (СП 3, 265)).

л) Иностранные слова, например английское *энглиз* (СП 3, 292), французское *дые* (НП 85), тюркское *я-я* (*ях-ях* — междометие со значением одобрения) (НП 182); среди них следует особо отметить интересовавшие Хлебникова славянские слова, например украинские *гарнесенький, жинка, хиба, хустка* (СП 2, 121); сербскохорватские *дебло* (SS: 392), *зличь* (SS: 382), *когович* (СП 4, 14; СП 5, 187), *смеяч* (СП 2, 35; 303); чешское *жас* (СП 5, 302), словенское *владавец* (СП 2, 65; НП 216; 217; 219) и т. д., — за исключением тех случаев, когда Хлебников, «свободно плавя славянские слова» (СП 2, 9), изменяет их значение и/или формальный облик: *дебл* (или *дебел*, ср. *дятел*) как «живое существо» в контексте *И деблы слетались, и деблиные велись речи* (СП 4, 17) и т. п.

Некоторые встречающиеся у Хлебникова неологизмы были, вероятно, заимствованы им у других поэтов — прежде всего, у Вяч. Иванова (*солнцеокий, стожалый, тихокрылый*). Подобные слова в нашем словнике неологизмов все же сохраняются (с соответствующими указаниями), так как, вообще говоря, не исключена возможность того, что это не заимствование, а повторное создание слова.

Поскольку при отборе неологизмов мы отказались от строгого формального подхода, образовалась группа промежуточных слов, которые мы не можем с уверенностью отнести ни к знакомым нам, ни к незнакомым. Как писал А. И. Смирницкий⁵, слова существуют в языке «в разной степени»: «вряд ли у кого вызовет сомнения, что в русском языке действительно существует слово *Волга*; но <...> в какой степени существуют в русском языке такие слова, как *фиолетоватый, синезубый, бутылочноглазый, пылеводонепроницаемость* и т. д., и т. п.?». Такого рода слова Смирницкий назвал потенциальными. По-видимому, потенциальным можно считать слово, удовлетворяющее двум условиям: формальному, т. е. слово должно

отвечать достаточно употребительной словообразовательной модели, и содержательному, т. е. слово не должно нарушать некой интуитивно ощутимой «понятийной совместимости» (так, слово *темнохвостый* ее не нарушает, в отличие от слов *вселеннохвостый*, *правдохвостый*, *смертнохвост*). Подобные слова приводятся в словарях русского языка лишь частично. Возьмем отрывок: *Как во озере, во озере / Зелена лягушечка расквакалась. / И ты что это, лягушечка, расквакалась, / Расквакалась жалобнехонько? / Али мне без тебя не тошнехонько?* (НП 244). Слова *тошнехонько*, *жалобнехонько* и *лягушечка* существуют в языке, если воспользоваться выражением Смирницкого, примерно «в одинаковой степени», однако первое и второе в словарях содержатся, а третье — нет. Потенциальные слова, отсутствующие в словарях, обычно включаются в наш словник.

Сколько же неологизмов придумал Хлебников? Этого мы никогда не узнаем: ведь часть написанного им была утрачена. Соратники Хлебникова Н. Асеев и А. Крученых говорили о «десятках тысяч новых слов». Можно вспомнить свидетельство Веры Хлебниковой, относящееся к периоду их совместной жизни в селе Алферово весной — летом 1911 г. «В щелястом сарае водворился брат Витя с огромным мешком рукописей». (В апреле 1911 г. Хлебников пишет из села Алферово Елене Гуро: «У меня в запасе вещей на два или три сборника».) Он «читал отрывки новых вещей <...>, но это продолжалось не долго: деревенские курильщики проведали о таких несметных бумажных богатствах <...> и однажды ночью был взломан замок и похищен весь мешок с рукописями»⁶.

Количество неологизмов в уцелевшем хлебниковском наследии оценивается следующим образом. По мнению Р. Вроона, их число «определенно превышает десять тысяч», В. П. Григорьев называет порядок десять в четвертой степени, а также вскользь упоминает о числе шестнадцать тысяч. К настоящему времени нам удалось обнаружить около десяти тысяч неологизмов. Однако существуют еще необследованные частные архивы и разрозненное собрание Н. И. Харджиева, часть которого, попавшая в РГАЛИ, по распоряжению Харджиева закрыта на 25 лет, начиная с 1994 г. И в доступных рукописях часть неологизмов, несомненно, была нами пропущена, поскольку порой эти рукописи весьма неразборчивы. Вот как описывает свои впечатления от черновигов Хлебникова Бенедикт Лившиц:

В первый же день моего пребывания у Бурлюков (в Чернянке, конец 1911 г.) Николай принес мне в комнату папку бумаг с хлебниковскими рукописями. Это был беспорядочный ворох бумаг, схваченных как будто наспех. На четвертушках, на полулистах, вырванных из бухгалтерской книги, порой просто на обрывках мельчайшим бисером разбегались во всех направлениях, перекрывая одна другую, записи самого разнообразного содержания. Столбцы

каких-то слов вперемежку с датами исторических событий и математическими формулами, черновики писем, собственные имена, колонны цифр. В сплошном истечении с трудом улавливались элементы организованной речи⁷.

Харджиев, говоря о рукописях Хлебникова, чуть ли не дословно повторяет описание Лившица:

Черновые рукописи Хлебникова обычно исписаны мельчайшим почерком (Д. Бурлюк называл его «микрографией») и испещрены стилистическими поправками и вставками на полях, вверху и внизу листа, часто написанными наискось. <...> Нередко рядом с незаконченным стихотворением Хлебников начинал писать другую вещь или записывал предварительные наброски и заготовки, что, естественно, еще больше затрудняет расшифровку текстов. (НП, 13)

Другая трудность, связанная с подсчетом неологизмов, состоит в том, что нет (и не может быть) бесспорных критериев их выделения; в связи с этим разнятся словники, полученные разными исследователями на одном и том же материале. Ряд словоупотреблений можно понимать по-разному. Так, Р. Вроон, рассматривая неологизм *собеса* (с ударением на последнем слоге, ср. *небеса*), усматривает его наличие и в бесспорных контекстах типа *Летуры летят в собеса*, и в следующем контексте (из стихотворения 1921 г. «Это парус рекача» (СП 3, 203)): *Пустынных зорь лучи / Зажгли собеса силачи, / Кругом товарищей нетняк / Ярила кистенем в час боя / Нежалоста бояр*. Такое прочтение дает не вполне понятную и выпадающую из ритмической схемы конструкцию с приложением *собеса силачи*. (Рукопись интересующего нас отрывка имеет следующий вид: *в Пустынных зорь лучи / (Одеты в латах) Зажгли собеса силачи* <...> ⁸.) В данном контексте, однако, можно усмотреть и другой неологизм — *собес* от *бес*. Тогда спорное место понимается как описание блеска доспехов «силачей» — соратников Разина, аналогичное соседствующему с ним описанию доспехов самого Разина: *Кольчугой багровой огнебен*. (Ср. также неологизмы *насобесить*⁹ и *собесняк*¹⁰.) Естественно, и такое толкование носит лишь предположительный характер.

Часто контекст неологизма позволяет примерно с равными основаниями понять одно и то же словоупотребление разными способами. Возьмем, например, следующий отрывок из «Зангези»: *Могей, могун! / Могач, могай! <...> / Могачь, могай! Могей, могуй! / Иди мोगатьрь!* Каждая из словоформ (в порядке, заданном в тексте) *могей, могай, могай, могей, могуй* может быть осмыслена как существительное (ср. *злодей, вихляй, холуй*) и как глагол в повелительном наклонении (ср. *смей, играй, рискуй*). (Скопление омонимичных форм однокоренных неологизмов позволяет Хлебникову приблизить этот текст к магическому заклинательному жанру.) В таких случаях мы выбираем один основной вариант понимания, однако порой ника-

ких неопровержимых обоснований для его предпочтения нет. Так, В. П. Григорьев усматривает в словоформе *могуй* (встречающейся также в контексте *Можарь мой ум, могай<, > рука! Могуй<, > рука!*) существительное, мы же склонны видеть здесь императив глагола; возможно также, что в первом контексте Хлебников имел в виду существительное, а во втором — глагол. Каждый из вариантов осмысления имеет право на существование.

Итак, как мы пытались показать, определить точное общее количество (равно как и состав) хлебниковских неологизмов практически невозможно.

В упомянутом словаре приведено более пяти тысяч неологизмов из опубликованного наследия поэта, которые распределяются по классам следующим образом:

(I) морфологически интерпретируемые слова — 4415;

(II) «слова» «звездного языка» — 72;

(III) заумные, звукоподражательные и т. п. слова — 812.

Уточненный словник морфологически интерпретируемых неологизмов из опубликованных произведений Хлебникова составляет 4378 единиц. Обследование неопубликованного наследия поэта дало еще 4485 слов (около 800 из которых были впервые обнародованы В. П. Григорьевым, большая часть остальных до сей поры оставалась неизвестной), так что теперь совокупный список морфологически интерпретируемых неологизмов (I) содержит 8863 слова.

(II) «Слов» «звездного языка» стало немногим больше, добавились лишь несколько новых слогов (*жа, са, си, су, сы...*).

(III) Черновые варианты «речи богов» дали более двухсот новых заумных слов.

Таким образом, в настоящее время наш словник включает более девяти тысяч неологизмов Хлебникова.

Словотворчество и мифология

Целостное осмысление мира, выявление тождества разноплановых явлений и внутренних связей между внешне различными вещами, составляющие предмет философии, стали сутью поэтики Хлебникова. Принцип многомерности лежит в основе всего творчества Хлебникова, и важную роль в этой картине мира играет фольклор.

Остановимся подробнее на одном примере — обращении Хлебникова к русской сказке. Обычно эта тема не привлекает внимания исследователей. Более того, рассматривая проблему фольклорных и этнографических мотивов у Хлебникова, Х. Баран высказал мнение, что русский фольклор представлен у поэта только своими малыми формами — пословицами, загадками и т. п., тогда как «русские эпическая и сказоч-

ная традиция казались Хлебникову слишком условными, слишком литературными и знакомыми, чтобы вписаться в его модель мира», а хрестоматийные персонажи русских сказок, «такие, как младший сын или баба-яга», «в его произведениях отсутствуют»¹¹. Ниже мы попытаемся показать, что: Хлебников обращается к русским сказкам довольно часто, и роль сказочных образов и мотивов состоит в описании неявного, невидимого, выходящего за пределы наблюдаемого мира; между обращением поэта к сказке (и шире — фольклору) и его словотворчеством существует определенная связь; словотворчество поэта связано с памятниками древнерусской письменности и эпосом вообще.

Начнем с примеров использования сказок в творчестве Хлебникова. Естественно, поэт не просто пересказывает сказки (что было бы несколько странно после публикации во второй половине XIX в. А. Н. Афанасьевым и другими исследователями представительных собраний подлинных народных сказок), а так или иначе перерабатывает их, прибегая к двум основным операциям — «свертыванию» и «развертыванию».

Свертывание распадается на ряд подтипов, среди которых достаточно условно выделим (а) использование сказочного персонажа и (б) использование сказочного мотива (под которым понимается та или иная предикативная структура). Некоторые примеры.

(а) Хлебниковский черт (в пьесе «Чертик» или поэме «Игра и аду»), подобно сказочному, и вообще фольклорному, любит жить в пруду у плотины мельницы (СП 4, 204), простоват и незлобив (ср. замечание А. Крученых об «Игре в аду» как об «иронической, сделанной под лубок, издевке над архаическим чертом» (НП 439)).

Иногда сказочный персонаж не называется и задается только своими атрибутами. Так, в сказках часто повторяется описание обвешанного человеческими черепами тына избышки бабы-яги. Эта же деталь встречается в конце поэмы «Вила и леший»:

Вела узорная тропа;
На частоколе черепа.
И рядом низкая лачуга,
Приют злодеев и досуга.

(б) Сказочный мотив, как и сказочный персонаж, тоже иногда называется, а иногда нет. Так, мотив сказки «Вершки и корешки» прямо назван в следующем отрывке из уже упоминавшейся пьесы «Чертик» (СП 4, 203):

<...> Полет по сиво-сумрачному небу, где строи труб, где город, кушающий вершки и оставляющий людям корешки, стремится стать тем, чем давно уже успел стать лишай на корнях берез и их ветках.

Однако чаще Хлебников заставляет читателя самого искать сказочную основу своих образов. Вот несколько примеров из его ранней прозы.

Правдохвостый сом (СП 4, 19). Ср. «Сказку о Ерше Ершовиче, сыне Щетиновиче»: для обуздания ерша рыбы выбрали «судью праведну», «рыбу сом с большим усом».

— *Разумноногие сыроежки*¹². Ср. сказку «Грибы», в которой боровик приглашает разные грибы идти на войну, причем одни отказываются («Опенки: у нас ноги очень тонки, не пойдем на войну»), а другие соглашаются («Грузди: мы ребятушки дружны, пойдем на войну»).

— *Равенствозубая щука* (СП 4, 19). Ср. «Байку о щуке зубастой», в которой щука всех ела.

— *мТропа, по которой бегают сутки и на которой отпечатались следы дня, вечера и утра* (СП 4, 19), а также *сутконогих табун кобылиц* из (НП 119)). Ср. сказку «Василиса Прекрасная», в которой Василиса на пути к бабе-яге встречает сначала белого всадника в белом на белом коне, потом соответственно красного и черного всадников. Отвечая девушке на вопрос, кто это, баба-яга объясняет, что это день ясный, солнышко красное и ночь темная, все — ее слуги верные.

— Эмоции и мысли, представленные как фантастические растения (*грустина, грустинник, мыслока* и т.п.). Ср. сказки «Ночные пляски», где дворянин сорвал веточку и вся роща зашумела; «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», где деревья в саду начали сохнуть, когда колдунья навела порчу на Аленушку, и расцвели снова, когда Аленушка вернулась; «Заколдованная королева», где верхушки деревьев засохли, когда нечистые опоили солдата, и вновь ожили, когда солдат воскрес, и т. д.

Развертывание сказки также может относиться либо (а) к некоторому характерному для сказки персонажу, либо (б) к сказочному мотиву.

(а) В качестве примера приведем образ ворона, который в сказках обычно выполняет две основные функции: предвещает будущее и приносит живую и мертвую воду. У Хлебникова круг функций сказочного ворона расширяется. Так, в цитируемом ниже отрывке из ранней рукописи он, подобно Одину, задает вопросы о сути бытия, а также досадует, что должен принести дурную весть¹³:

Что есть зорей долина и звезд<ных> далее поволока?

(Каркнул) Крик<нул> ворон / умный смертнядина!

И вопрос вновь, нимало не смутясь.

Что есть солнечный дождь или солнечн<ая> вея?

Каркнул (ворон) радный смертнядина!

Что есть зем<ная> часть и чел<овеческая> доля?

Карк<нул> <ворон> / смертнядина!
 (Карк<нул> Крикнул) (мудрый) умный смертнядина!
 верочь неко<г>да зам<етил> досадливо: нужно девушке
 на высокой башне
 возвести<ть> что любичь (начал) zalюбил другую невесту.
 И заплакал я закрыв лицо руками. И ужаснулся.

Характерная для сказок, как и для мифологии, антропоморфность «неведомых сил» — неба, земли, воды и огня — преломляется у Хлебникова в создании как сотен и сотен отдельных названий мифологических персонажей (*водич, водняга, водовичий*), так и целых посвященных им стихотворений. Одно из них описывает духа огня «пламевика»¹⁴:

пламевик свирел в свирель И та свирель была кострель.
 Пламя серых рдяных дней.
 В грезогах чертогах почил он Почил у мечты.
 В соногах мечтогах почи<л> он,
 Почи<л> у черты.

(Другой вариант этого стихотворения, представляющий собой последнее четверостишие с заменой «он» на «я», напечатан в (СП 2, 276).)

(б) Примером развертывания сказочного мотива может служить сказка «Царевна-лягушка» и ее преломление в сложной образной системе стихотворении 1921 г. «Самострел любви»¹⁵:

Хотите ли вы
 Стать для меня род тетивы Из ваших кос крученых?
 На лук ресниц, в концах печеный,
 Меня стрелюю нате,
 И я умчусь, грозы пернатей.

Отголоски сказки «Петух и жерновцы» (старик достал на небе жерновцы, старуха станет молоть — все блины да пирог) слышатся в следующем черновом наброске о «мирожках»¹⁶:

В туманеве кружев Поляны недужниц.
 Сквозь марево / зарево быви (Падают) (Летят) Подают мирожки.
 Мы были, забыли. Вареве в дыми
 — (Стряпка) Старуха / Стряпуха (печет) <н>есет пирожки.
 Кто мы! где я?
 Вещедея служка кроткий / нежны<й>,
 Скинь (<личину>) безбрежность, дай зароки.
 И явился тут и <так>
 (Перейди) Преступи завета праг.

Обратимся к вопросу о том, какую роль играют у Хлебникова сказочные образы и мотивы. В его ранних рабочих тетрадях есть заметки, помогающие ответить на этот вопрос. Приведем их в той последовательности, как они записаны самим поэтом¹⁷:

Мир в немир \ домир ушел за (веном) виром огневещущих (долин) судьбин;
 Мир — рог небыви в возможное;
 В сказке, где юнирь голубонь развеял где зорями периям<и> думу развеял
 Сонь явлена грезой.

Итак, сказку поэт характеризует как переход от сна (бессознательного) к грезе (полуосознанному). Она, по всей видимости, служит «воронкой из явного в тайное». В этом отношении показательна еще одна страница той же тетради¹⁸:

грезняк тянется в окна любви, грезняк мол<ится> невесте пустоты. <...>
 (Звучаль славянина) <...>
 зарничник
 слеза
 грезняк моих садов.
 мнимой
 грозняк.
 мнимого числ<а> тростник, звальник. на мчинах.
 кругом заросли (обросли) бледностно-струйные. и местняком и осокой
 озера обиды глубокой: <...>
 Здесь мяу какие кошки
 рассказыв<ают> о бессонных днях ребенка, а также о неудовлетворенных
 (днях) снах любви <...> где-то солдаты прошли / прошли воины дозором
 в даях.

В этом наброске соседствуют сказочные герои: солдат, кот- баюн; фантастические растения, отражающие мир эмоций: *грезняк, грозняк, заросшие и местняком и осокой озера обиды глубокой*; замечание о мнимых числах (которые Хлебников часто связывает со своим словотворчеством); а также выражение «звучаль славянина», объясняющее суть творческого метода поэта: фольклорные образы и мотивы, близкие с детства и внимательно изученные в сознательном возрасте, позволяют заглянуть за пределы наблюдаемого, сознательного, в «домир» и «немир».

Такой взгляд Хлебникова на сказку находится в полном соответствии с фольклористикой. Достаточно вспомнить В. Я. Проппа, по наблюдениям которого волшебные сказки описывают потусторонний мир. Сказочное тридесятое царство, находящееся очень далеко, или под землей, или под водой, «совершенно точно соответствует тем представлениям, которые человек когда-то создавал себе о потустороннем мире, о мире, куда человек попадает после смерти».

Одновременно это и память о прошлых представлениях — тотемных животных, от которых ведет свое происхождение человек. Пространство, откуда появляются сказочные герои, «дается как неизвестное, неясное, темное, лежащее не только за пределами горизонта героя, но и за пределами нашего мира»¹⁹.

Как видно из приведенных примеров, хлебниковские тексты, содержащие сказочные образы и мотивы, часто богаты неологизмами. Попробуем ответить на вопрос о том, какова их функция и связь с фольклором.

Исследователи народной культуры часто подчеркивают, что общение с потусторонними силами предполагает аномальные способы поведения. Несколько примеров из уже упоминавшейся книги С. В. Максимова²⁰:

— для изобличения колдуна можно зажечь вербную свечу, тогда колдуны показываются вверх ногами; если иметь во время Светлой заутрени рябиновые палочки, то колдуны окажутся спиной к иконостасу; можно также прочесть воскресную молитву с конца, тогда колдун либо заревет, либо начнет скверно ругаться;

— чтобы осилить колдуна, надо ударить его наотмашь левой рукой, не оборачиваясь;

— при поисках клада надо влезть на сосну вверх ногами и так же спуститься.

Та же картина наблюдается и в малых фольклорных формах:

— в загадках о покойнике, который все делает не так, и о кладбище, где все не так: петухи не поют, люди не встают, и т.п.²¹;

— в заговорах, куда отсылается болезнь; там также все не так: петухи не поют, люди не заходят и т.п.²².

Соединение христианского священного текста с приемами языческой магии встречается в памятниках древнерусской письменности. Так, одна из новгородских берестяных грамот²³ представляет собой фрагмент псалма 54, написанный «зеркально» (справа налево)²⁴.

Выходящее за привычные рамки поведение требовалось и при ритуальном вызывании мифологических персонажей на рождественский ужин. Так, по материалам, приводимым Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой²⁵, в разных славянских регионах приглашаемыми могли быть: Бог, Богородица, св. Герман, мороз, умершие предки, праздники, туча, дикие звери и птицы. Совершающий ритуал приглашения накрывался вывороченным кожухом или снимал одежду или обувь, залезал на печь или на крышу, говорил «не своим», высоким голосом и т.п., что позволяло ему «приобретать признаки мифологического пришельца, “чужого”, наделенного особой магической силой».

Мы видим, что при обращении к потустороннему миру — будь то крестная, неведомая или нечистая сила — народные представления требуют отхода от привычных норм, в частности речевых: надо говорить не своим голосом, читать (или писать) молитву с конца к началу и т.п. Если рассмотреть в этом ракурсе творчество Хлебникова, можно заметить, что неологизмы расположены как бы пластами — в некоторых вещах их очень много, в других они редки, в третьих не встречаются вовсе.

Можно предположить, что одна из основных функций неологизмов, имеющих более смутные означаемые, чем общие слова, состоит в выходе за пределы данного отрезка времени или «этого» мира, т.е. в обращении к старинным преданиям или мифам, к туманному будущему, к «засмертью» или бессмертью.

Не случайно в связи с этим и то, что в дальнейшем хлебниковском творчестве сгустки неологизмов часто встречаются при описании войн и братоубийства — того, что также выходит за пределы доступного пониманию.

Хлебников, как, пожалуй, никто из современных ему поэтов, заслуживает имени летописца своей эпохи. Чтобы показать это, сравним его стихи с отрывком из Новгородской летописи, повествующим о братоубийственной борьбе новгородцев и суздальцев²⁶:

Оле страшно чюдо и дивно, брапе! поидоше сынове на отци, а отци на дети,
братъ на брата, рабы на господу, а господа на рабы.

Трудно сказать, знал ли Хлебников это место из летописи, но тема борьбы отцов и сыновей возникает у него неоднократно, ер. следующие отрывки из стихов, посвященных гражданской войне (СП 5, 100):

Отцепеплом пылали бревна столиц,
Блеск глаз в переплеске ста лиц <...>
Отцеют трубы города и брев<на>
Сынеет (девственный) пламенный топор <...>

Отметим, что неологизм *отцеть* встречается и в стихотворении «Морской берег», также описывающем гражданскую войну (СП 3, 281), а слово *отцепепел* — в стихотворении «Это парус рекача» (СП 3, 202), посвященном еще одному периоду отцеубийства и сыноубийства — восстанию Степана Разина. «Оле страшно чюдо и дивно, брайе!» — восклицает летописец. Хлебников выражает запредельный ужас происходящего с помощью словотворчества.

Скажем несколько слов о связи творчества Хлебникова с вершиной древнерусского эпоса — «Словом о полку Игореве».

Уже в ранней хлебниковской тетради есть свидетельства того, что «Слово...» было настольной книгой поэта; так, на одной из страниц ее встречается слово *златоверсый*²⁷:

Сладуга златоверсый божий дом. Косвенные формы слова *златоверши* (с чередованием *х/с*) есть в летописях, например в Новгородской летописи («<...> въ церкви святыя Богородица Златоверсей»), и в «Слове»: «Въ моемъ тереме златоверсемъ На той же странице тетради есть и прямая цитата из того же места «Слова». Хлебников записывает: *Жир — органическая материя? / «иже погрузи жир на дне Каялы»*. Слова, приведенные Хлебниковым в кавычках — прямая цитата из «Слова» с той разницей, что в оригинале «Слова» — «во дне», т.е. Хлебников ошибается в предлоге, по-видимому, цитируя по памяти. Здесь поэт свободно интерпретирует древнерусское слово «жир», которое на самом деле в большинстве контекстов означает «богатство, достояние». В той же тетради встречается неологизм *женьчюжность*²⁸. В «Слове» (и все в том же месте, откуда Хлебников заимствовал предыдущие цитаты) есть необычное написание слова «жемчуг» — «женьчюгъ», хотя в других его местах встречаем стандартное древнерусское написание соответствующей основы: «жемчюжна душа» (интересно, что свой неологизм Хлебников сначала написал как *женьчюжность*, а потом, по-видимому, заглянув в «Слово», исправил *у* на *ю*). Часто повторяющиеся у Хлебникова *крылья-грустилья* или просто *грустилья*, по-видимому, восходят к образу обиды, всплеснувшей лебединым крылом: «Встала обида в войсках Дажьбожа внука, / вступила девою на землю Трояню, / всплескала лебедиными крылы / на синем море у Дону; / плещуци, упуди жирня времена». «Святославлѣ насады» из «Слова», вероятно, стали источником для хлебниковского выражения «Святославовы насады». У Хлебникова есть и прямые упоминания «Слова», например в «Войне в мышеловке»:

<...> Мы создадим «Слово Полку Игореве»
Или же что-нибудь на него похожее.

Наиболее чуткие из современников считали, что выполнить эту задачу Хлебникову удалось, и именно благодаря словотворчеству. Вот мнение Осипа Мандельштама²⁹:

Когда прозвучала живая и образная речь «Слова о полку Игореве» — насквозь светская, мирская и русская в каждом повороте, — началась русская литература. А пока Велимир Хлебников, современный русский писатель, погружает нас в самую гущу русского корнесловия, в этимологическую ночь, любезную уму и сердцу умного читателя, жива та же самая русская литература, литература «Слова о полку Игореве»³⁰.

Сам Хлебников, оценивая в конце жизни свои ранние мифологические произведения и лингвистические опыты по «разложению слова», рассматривает их как пророчества грядущих трагических событий русской истории. Особенно отчетливо эта мысль выражена в поэме 1922 г. «Вы, привыкшие видеть жизнь»³¹, где мава отождествляется с мировой войной, вила — со свободой вообще и свободой убивать (Чека) в частности, Ленин — с лешим, а революция рассматривается как борьба нечистой силы, мавы и лешего, между собой.

